

Спустя мгновение из задней комнаты показался худощавый, точно обтянутый кожей старик. Узкие глаза, тонкие губы, широкий лоб и прямой нос — он был облачен в даосскую мантию густого сине-серого цвета, а за потемневший от времени тканый пояс заткнул тыкву-горлянку. На первый взгляд он и впрямь походил на умудренного отшельника, обретшего Дао.

Старик не спеша устроился за низким столиком, покосился на серебряный слиток и спросил хриплым, скрежещущим голосом, напоминавшим трение медной тарелки о железный котелок:

— Позвольте узнать, благородные господа, кто именно из вас желает испросить совета у судьбы?

Чун Лю-эр поспешил вставить:

— Неважно, кому из нас. Сразу уговоримся: предскажешь верно — получишь плату. А совершь — хм, пеняй на себя, разнесем твою лавочку в щепки!

Старик лишь сухо рассмеялся в ответ:

— Разнести мою лавочку? Боюсь, силенок не хватит.

Он указал длинным сухим пальцем на Чун Дая:

— Даже наследник принца Чжуана, прославленный господин Muskusa и Орхидеи, вряд ли осмелится громить мою обитель.

Спутники ошеломленно переглянулись. Хотя слава о Четырех благородных господах гремела на всю столицу, уезд Хэюань лежал в тысячах ли от нее. То, что здесь кто-то с первого взгляда узнал Чун Дая, казалось невероятным. Либо этот старик был их старым знакомым, либо действительно обладал даром провидения.

Чун Дай тоже мысленно вздрогнул, но сохранил полное спокойствие. Он еще раз пристально всмотрелся в черты лица предсказателя и ровным голосом произнес:

— Не припомню, чтобы мне доводилось встречаться с вами, почтенный.

Старик хрипло хмыкнул:

— Благоухание мускуса и орхидеи разносится по всему свету. Пусть я и стар, но нюх еще не потерял.

Чун Дай весело рассмеялся:

— Аромат «Мускус и Орхидея» — благовоние исключительно дворцовое. С тех пор как на престол взошел новый император, им пользуются только в поместье принца Чжуана. Откуда же простому предсказателю в столь глухом краю знать, как пахнет этот редкий состав?

Старик, не ожидавший столь тонкого замечания, на мгновение смешался. Он медленно прикрыл глаза и, уходя от прямого ответа, проскрипел:

— Так чего же желает господин Мускуса и Орхидеи? Тянуть жребий или толковать судьбу по лицу?

— Не соблаговолит ли уважаемый разобрать для меня иероглиф? — предложил Чун Дай.

— Отчего же нет, — отозвался старик и жестом приказал стоявшему рядом отроку принести бумагу и кисть.

Чун Дай ненадолго задумался, а затем уверенным движением начертил на листе знак «чжун».

Старик согласно кивнул и, указав на написанное, заговорил:

— Ежели разобрать этот знак на составляющие, то получатся два слова: «тысяча» и «ли». Господин Мускуса и Орхидеи прибыл сюда издалека, преодолев тысячи ли, но помыслы его все еще устремлены к тому, кто остался за тысячи ли отсюда.

Услышав это, Чун Ю покосился на Чун Дая. В этот момент во дворе поднялся резкий порыв ветра, взметнув тучи серой пыли. Когда все утихло, Чун Лю-эр приподнялся на цыпочки и осторожно снял с плеча Чун Дая принесенную ветром сухую соломинку.

Старик заметил это, указал на соринку и продолжил:

— Добавь к знаку «чжун» ключ «травя», и выйдет фамилия «Дун». Весеннее равноденствие миновало, и даже в нашей ледяной глуши пробиваются первые всходы. Да только «Дун» без знака «сердце» не станет словом «понимание». Тот, о ком тоскует господин, останется безответен. А ежели разобрать нижнюю часть, знак «ли» — там видны «земля» и «пашня». Но знак «тысяча» бесцельно парит над ними: пашня есть, а семян не заброшено. Ваша привязанность — лишь горький долг из прошлых жизней, из которого не вырасти ничему доброму. Как поется в старом стихе: «Весенний простор за тысячу ли лишь ранит душу».

Изрекши это, прорицатель сокрушенно покачал головой. Он уже протянул руку, чтобы сгрести серебряный слиток со стола, и вкрадчиво поинтересовался:

— Ну как, попал я в цель или промахнулся?

Чун Дай выслушал его с мягкой улыбкой и кивнул:

— Слова почтенного мастера бьют без промаха. Вы действительно заглянули мне в душу. И все же позвольте задать еще один вопрос.

Старик к тому времени уже ловко спрятал серебро в просторный рукав. Снова прикрыв глаза, он небрежно бросил:

— Спрашивай, чего уж там.

Чун Дай наклонился к столу и быстро вывел на бумаге другой знак — «ли». Откашлявшись, он проговорил:

— Мой добрый друг тоже проделал путь в тысячу ли, чтобы встретиться со мной. Увы, здешний суровый климат пришелся ему не по нраву. Несколько дней назад он слег в лихорадке и не может даже подняться с постели. Собственно, в Хэюань я приехал ради того, чтобы отыскать для него лекаря. Может, почтенный предсказатель укажет, в какую сторону мне направить стопы?

Старик нехотя разомкнул веки. Но едва его взгляд упал на начертанный знак «ли», он заметно заволновался.

— Он болен?! — выпалил он.

Голос его мгновенно изменился — прежний скрип пропал, уступив место глубокому и звучному тону, подобному эху в горном ущелье.

Осознав, что сам же себя и выдал, лжепрорицатель досадливо прикусил язык. Он не скрывал злости.

— Мстителен же ты, — процедил он сквозь зубы.

Чун Дай вежливо сложил ладони в приветственном жесте:

— Полно вам. Всего лишь скромный ответный визит.

Хозяин дома резко указал рукой на выход:

— Прочь. Провожать не стану.

Чун Дай учтиво посторонился, уступая дорогу Чун Ю, а затем с громким, довольным смехом

покинул обитель.

Выйдя на оживленную Западную улицу, Чун Ю наконец дал волю любопытству:

— Цзыхоу, объясни же наконец, что это за странный старик? Откуда он взялся?

Чун Дай усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

— Брат, доводилось ли тебе слышать в столице о Четырех благородных господах?

— Пусть я и веду уединенную жизнь, но об их славе знаю, — кивнул Чун Ю.

Чун Дай задумчиво продекламировал:

— Именно так. «Шлейфом тянется мускус, Моюй играет на флейте; Господин в Цветочных одеждах кружится в танце — но лишь для Янь Ли».

— Выходит, ты, Цзыхоу, возглавляешь этот список? — улыбнулся Чун Ю.

Чун Дай качнул головой:

— Прозвище «Мускус и Орхидея» действительно закрепилось за мной. Что до остальных... Господин Черной Яшмы с малых лет постигал тайны музыки, его мастерство игры на флейте из пурпурного бамбука достигло немыслимых высот. Однако позже он покинул мирские земли, ушел на далекий запад и принял монашеский постриг под именем преподобного Мяоиня. Брат, помнишь ли ты, как позапрошлым летом мы вели беседу о цветущих грушах в Обители Цветочных Одежд?

— Разумеется, помню, — отозвался Чун Ю.

— Так вот, этот чудаковатый старик-гадатель — не кто иной, как сам господин в Цветочных одеждах, Тун Юле.

Чун Ю и Чун Лю-эр ошеломленно переглянулись и в один голос воскликнули:

— Неужели это тот самый прославленный господин в Цветочных одеждах?!

Потешаясь над их изумлением, Чун Дай пояснил:

— Людская молва приписала ему это прозвище, полагая, будто он просто ветреный щеголь, любящий пестрые наряды. На деле же предки Тун Юле были великими полководцами минувшей династии. Сам он с юных лет обучался тайным искусствам на горе Улян. Его мастерство маскировки и смены личин поистине граничит с колдовством — он способен принимать тысячи различных образов, менять платья и обличья как перчатки. Оттого его и прозвали «Господином в Цветочных одеждах».

Чун Лю-эр с любопытством вставил:

— Значит, он еще и искусный плясун? Не зря же в стихах поется о его танце?

Чун Дай задумчиво постучал пальцем по подбородку, припоминая былое:

— Верно. Танцует он так, что захватывает дух, во всей Поднебесной не сыскать ему равных. Вот только он до крайности скуп на свои представления. Единственный человек, ради которого он соглашался кружиться в танце...

—...это Янь Ли, — закончил за него Чун Ю.

Чун Дай подтвердил его догадку кивком:

— Верно. Поначалу я и сам не признал в этом согбенном старце Тун Юле — кому придет в голову, что избалованный столичный франт заберется в эти безводные пески? Но он сгубил себя собственной гордыней, решив щегольнуть стихом про весенний простор за тысячу ли.

С этими словами Чун Дай отвязал от пояса флейту из пурпурного бамбука — ту самую, которую у Ворот Воинственного Превосходства преподнес ему когда-то Фу Исянь. Чун Ю бережно принял инструмент и стал разглядывать. На гладком темном стебле бамбука изящным убористым почерком была вырезана строчка: «Весенний простор за тысячу ли лишь ранит сердце».

— Эта флейта когда-то принадлежала господину Черной Яшмы, — продолжил Чун Дай. — Уходя в монастырь, он счел мирскую музыку праздным искушением и подарил инструмент Сяошаню. Об этой сделке знали лишь единицы из нашего круга. Я отродясь не верил бродячим гадателям, но стоило этому старику упомянуть заветные строки, как я сразу понял: перед нами кто-то из Четырех благородных господ. Наш преподобный Мяоинь сейчас молится в запредельных западных землях, а Янь Ли безостановочно кочует по дорогам Поднебесной, и след его давно затерялся. Оставался лишь один человек — Тун Юле.

— И тогда ты начертал имя Янь Ли, чтобы заставить его сбросить маску, — с легким вздохом подытожил Чун Ю. — Какое глубокое притворство, но стоило задеть струну истинной страсти, как весь его обман рассыпался прахом. Поистине, любовь лишает разума даже самых хитрых.

<http://bllate.org/book/19874/2040534>